

Маша Ловыгина

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л68

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Янины Клыга*

Ловыгина, Маша.
Л68 Чаща / Маша Ловыгина. — Москва : Эксмо,
2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-214428-8

Пятеро школьных друзей ушли с выпускного, чтобы провести время в лесу. Но один из них не вернулся.

Даже спустя много лет тот случай не дает Марьяне Шестаковой покоя. Она готовится к работе в московском архитектурном бюро вместе с мужчиной своей мечты, но воспоминания обрастают все новыми, порой даже мистическими, подробностями, а вскоре история повторяется... Марьяна решает вернуться в свой родной тихий городок в Вологодской области и раскрыть тайну исчезновения подруги. Стоит ли доверять своей памяти спустя годы или нужно отпустить прошлое? И при чем тут Леший?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-214428-8

© Ловыгина М., 2025
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Иногда мне кажется, что быть взрослым —
это не иметь простых и ясных ответов.

Юн Эво. Солнце – крутой бог

...один и тот же кусок жизни имеет два измерения: в реальности и в воспоминаниях.

Виктория Токарева

Никто так не похож на невинного, как виновный, который ничем не рискует.

Тристан Бернар

Пролог

Так уж получилось, что это был наш последний день вместе.

Я даже не знаю, сохранилось ли то место, где они обычно встречались — пятачок земли между двумя домами старой, немецкой ещё застройки, со ржавыми качелями на окраине Бабаева. Снести дома должны были уже давно, но то ли у руководства города руки не доходили, то ли о них попросту забыли. Никому они не мешали. Так и стояли — двухэтажные, с заколоченными досками крест-накрест дверьми и с частично выбитыми стёклами. Летом дома утопали в зарослях сирени, а зимой в высоченных сугробах, медленно сползая в овраг, за которым начинался лес. От выкрашенных жёлтой краской стен веяло предсмертной тоской, но никто из них этого не замечал.

Туда они и пригласили меня однажды. Там мы встречались потом почти каждый вечер. Оттуда мы пошли в лес в день нашего выпускного...

Если бы я была писателем, то сказала бы об этом так: наши чувства и ощущения звенели, как натянутые струны, искрились от распиравшего счастья скорой взрослой жизни и ещё детских, по сути, иллюзий. Тогда казалось, что мир принад-

лежит нам целиком и полностью, что все мечты обязательно сбудутся, более того, мы обретём то, о чём даже не имели представления в своих радужных мечтах. Мы были чисты и невинны, стремительны и жадны.

Нас было пятеро: Ира, Данька, Сашка, Вера и я.

С выпускного мы удрали в самый разгар дискотеки. По пути заскочили к Сашке. Его отец был на работе в отделении городской полиции. А мать сидела в актовом зале, где проходил праздник, рядом с директрисой, раскрасневшаяся от выпитого, нервов и танцев. Выпускной — он ведь не только для нас, он и для родителей, которые «вложили душу и средства» в собственных детей.

Мы уходили под оглушающий «бум-бум» и «новогоднюю» иллюминацию, зная, что никто нас не хватится. Мы были словно мушкетёры, давшие клятву в вечной дружбе.

Наивные, что мы знали тогда о том, что клятвы остаются лишь словами, а обстоятельства, словно снежная лавина, обрушиваются в самый неожиданный миг и погребают под собой всё живое.

Это был вечер, память о котором до сих пор возвращает меня в недавнее детство. Но за мгновением оглушающей, какой-то щенячьей радости всегда наступает тягучее и мрачное состояние парализующего страха перед будущим. Поэтому я стараюсь лишний раз не напоминать себе об этом. И всё же... продолжаю помнить.

Нам нравилось проводить время в лесу, на берегу реки Колпь — летом она становилась спокойной и ленивой, «медовой», как любили у нас говорить. Пологие берега густо зарастали сочной травой — лежишь в ней как на перине и смо-

ЧАЩА

тришь в небо. Красота! Вот и в тот поздний вечер нас неумолимо потянуло в лес, как к старому другу, с которым предстояло долгое расставание. И плевать нам было на дискотеку и праздничный стол, накрытый в школьном актовом зале, на сгущающиеся вокруг сумерки и шёпот могучих сосен. Нас манила свобода.

С годами многое стирается из памяти, но я до сих пор ловлю тот, уже призрачный, густой запах сосновой смолы и плеск речной воды, отблески костра на наших лицах и стрёкот кузнециков, горьковато-сладкий вкус сока на губах и ощущение неминуемой беды, внезапно сжавшее горло...

Наверное, всё могло бы быть по-другому, если бы мы не пошли тогда в лес. Но, как известно, история не терпит сослагательного наклонения.

Я буду помнить тот день всю свою жизнь. Мне бы хотелось его забыть, хотелось бы верить, что всему есть объяснение, но дело в том...

...что домой мы вернулись не все.

1

«Новости Бабаево:

Полиция разыскивает 18-летнюю Ингу Смирнову. Девушка ушла из дома 7 июня, до настоящего времени её местонахождение неизвестно.

Приметы: на вид 18 лет, рост 156 см, среднего телосложения, глаза серые, волосы прямые, тёмно-русые.

Была одета в синюю толстовку с капюшоном, джинсы, кроссовки белого цвета.

Информацию о пропавшей девушке можно сообщить по телефонам...»

Я вчитывалась в скучные данные, будто могла увидеть в них что-то большее, чем значилось в сводке. Рассматривала фото, пытаясь уловить знакомые черты — вдруг я видела её когда-то? Вряд ли, конечно, она младше меня на пять лет, значит, была подростком, когда я уехала.

— А где у нас исправленный проектный договор с господином Козлевицем? В программе почему-то только старый вариант, — выдернул меня из раздумий голос шефа.

— С Козлевицем? — Я вскочила и неуклюже развернулась, зацепив клавиатуру и едва не расплескав стоявший рядом с ней стакан с водой. — Козлевиц...

— Трёшка на Беговой, — подсказал шеф, и от звука его низкого голоса у меня поджались пальцы в босоножках.

— А я думаю, какой такой Козлевич? Пять минут, Денис Александрович. Сейчас найду и принесу.

Шеф задержал на мне взгляд, на мгновение лицо его разгладилось, но потом вновь обрело озабоченное выражение, из чего я сделала вывод, что моя робкая попытка разрядить атмосферу оказалась не совсем уместной. Каламбурить на тему фамилий заказчиков здесь было не принято. Каюсь, не удержалась, но только потому, что обожала незабвенное произведение Ильфа и Петрова, равно как и старый фильм, который мы с матерью смотрели сначала на старом кассетнике, а потом на DVD-проигрывателе.

«Остап подмигнул Балаганову. Балаганов подмигнул Паниковскому. Паниковский подмигнул Козлевичу...»

Нет, это точно не про наше архитектурное бюро.

— Побыстрее, пожалуйста, Марьяна Игоревна, очень надо, — придерживая дверь, обернулся Перчин.

«Блин горелый! — бурчала я про себя, испытывая вполне понятную досаду. Злилась я, разумеется, не на шефа, а на ситуацию, в которой оказалась. — Где может быть этот чёртов договор?»

В дизайн-бюро «Арт-Панорама» я попала на место администратора Катерины в самый разгар переезда бюро в новый офис неделю назад. Моей задачей было освоить обязанности в короткие сроки и тем самым не подвести Катю, с которой мы приятельствовали вот уже несколько месяцев.

Часть коробок всё ещё оставалась не распакованной. Хорошо, что Катя сделала пометки, где что лежит, прежде чем легла на сохранение

в роддом. Она носила двойню, и врачи перестраховывались.

— Ка... Козлевич... — пробормотала я, вскрывая одну из коробок с надписью фломастером: «К-М».

Покопавшись в её содержимом, я с сожалением отметила, что необходимого в ней нет. Первой мыслью было набрать Катю, но вторая мысль перебила первую — беспокоить женщину в положении было бесчеловечно. Я тут же представила, как Катя застывает в напряжении, пытаясь вернуть мозги в рабочее состояние, как её руки смыкаются на животе, а небесно-голубые глаза наполняются слезами. Обидчивость — один из признаков гормональной перестройки, которую все мы наблюдали вот уже полгода.

Дело было, конечно, не в Кате, а во мне. Я не справлялась. Приходилось крутиться как белка в колесе, но объём работы не только не уменьшался, а рос будто на дрожжах.

Зажав в кулаке нож для бумаги, я оглядела оставшиеся коробки, прикидывая, какой из них первой вспороть её картонное нутро: «Всякое разное» или «Нужное-ненужное».

— Марьяна, вы опять забыли заказать кофейные капсулы? — спросил дизайнер Антон, выглянув из-за своего компьютера.

«Началось...»

Вредный и липкий тип — это всё, что я могла сказать об Антоне, но, разумеется, вслух этого никогда не произнесу. Шеф им доволен, клиенты не разбегаются и не пишут гневные отзывы, так что моё мнение на его счёт — последнее. Он постоянно меня изводит. Так и норовит задеть

побольнее: то придерётся к внешнему виду, намекая на его убожество, то глубокомысленно начинает рассуждать о «понаехавших», будто сам москвич в пятом поколении.

— Там ещё есть, я вчера видела. Должно хватить, — ответила я, стараясь говорить спокойно. Не хватало ещё, чтобы он заметил мою растерянность. Но вчера я точно видела, что оставалась ещё половина упаковки.

— Там ничего нет! — Он ехидненько улыбнулся и, склонив голову к плечу, оглядел мою затянутую в джинсы откляченную пятую точку. — М-да...

Что он хотел сказать этим «м-да», меня не интересовало, лучше бы следил за собой и за своей работой. Вчера я заметила ошибку в цифрах, когда распечатывала чертежи. Антон был на обеде, поэтому я исправила её и ничего никому не сказала. Ошибка так явно бросалась в глаза, что рано или поздно её бы всё равно обнаружили. Но мне не хотелось нагнетать обстановку, особенно когда это касалось Антона. Как я уже говорила, он противный человек. К тому же я была уверена, что он подворовывает — как минимум кофейные капсулы и шоколадные батончики с общей кухни. Два дня назад видела, как он втихаря распахивает их по карманам.

— Марьяна, срочно найдите письмо от «кухонь»! Они отправили его на общую почту, идиоты! И перешлите мне! Прямо сейчас, не откладывая!

Татьяна Васильевна Ребёнголец — бывшая преподавательница архитектурной академии. Наш шеф, Денис Александрович Перчин, учился у неё и, по моему мнению, взял самое лучшее. Да

и Татьяну Васильевну в итоге прихватил, несмотря на её довольно почтенный возраст и принципиальный неуживчивый характер.

— Марьяна, я же просила вас вызвать техников, у меня опять картинки не загружаются! — добавила мне дел Анжелика.

Анжелика — красавица, глаз не оторвать. Ей место на обложке какого-нибудь модного журнала. Впрочем, в одном из выпусков журнала «Мир дизайна» она уже дарила читателям улыбку в тридцать два зуба, раскрывая тайны японского интерьерера. Несколько экземпляров журнала до сих пор лежат в приёмной, и каждый раз, проходя мимо, я вздыхаю, наталкиваясь взглядом на её акулий оскал. Как профессионал она середнячок, без божьей искры, как, например, Татьяна Васильевна или Перчин, но при такой внешности ей и не нужно звёзды с неба хватать. Они сами падают ей в руки.

— Козлевич, миленький, где же ты?.. — кинулась я на очередную коробку, как пират на абордаж торгового судна.

— Кофе!

— Кухни!

— Техники! — неслось со всех сторон.

— Договор!

А через полчаса должны были прийти рабочие, чтобы монтировать перегородку между рабочим и переговорным залами.

Я едва не взвыла, когда один за другим посыпались телефонные звонки. Прижимая плечом телефон к уху, одной рукой я записывала информацию, а второй продолжала перебирать документы в коробке.

У меня взмокла спина и разъехался пучок на голове. Как Катерине удавалось выглядеть прекрасно в течение рабочего дня? Уму непостижимо.

Антон со своим кофе мог подождать, а вот письмо «от кухонь» следовало переправить как можно скорее. Ребёногыльц была не из тех дам, которые флиртовали. Она *фильтровала* людей, единожды и бесповоротно обозначая их место. Я побаивалась её, но вместе с тем безмерно уважала. Татьяна Васильевна обладала колоссальным опытом и, кажется, знала всех и вся. Уверена, любая контора хотела бы заполучить такого сотрудника, но она работает у Дениса Перчина и называет его «мой мальчик».

Мальчик вымахал под метр восемьдесят, имел прекрасную подтянутую фигуру, длинные музыкальные пальцы с ухоженными ногтями и ямочки на щеках, которые, впрочем, появлялись не так часто, как хотелось бы лично мне, из-за вечно серьёзного вида шефа.

— Ну что там с техниками? — демонстративно простионала Анжелика.

— Попробуйте пока перезагрузить компьютер, — попросила я, пытаюсь дозвониться до техслужбы.

— Ой, ну я пыта-а-юсь... — ответила та, разглядывая себя в зеркало пудреницы. — И ничего не выхо-о-одит...

— Попробуйте ещё разок, ладно? Татьяна Васильевна, письмо нашла! Высылаю!

— Слава богу, а то я уж подумала, что вы вообще почту не читаете!

А когда мне её читать? За час сваливается такое количество информации, что я едва успеваю отделить важное от второстепенного, а потом оказыва-

ется, что не заметила *архиважного*, как сейчас с кухнями.

Пришли рабочие. Сначала я оглядела упаковку, затем записала на видео распаковку, и только потом едва ли не под лупой проверила саму перегородку, понимая, что в случае чего брак будет на моей совести.

Когда я мельком глянула на часы, то ужаснулась: шёл только третий час работы, а у меня складывалось ощущение, что я уже сутки отпахала.

— Антон, напоминаю, у вас через час встреча с заказчиком в конференц-зале, — объявила я. Предупреждать о встречах — тоже моя обязанность.

— Я в курсе.

Судя по его вытянувшемуся лицу, он о ней даже не вспомнил. И точно: засуетился, защёлкал мышкой, уткнувшись в экран.

Вытерев влажные ладони о джинсы, я снова полезла в коробку за договором Козлевича, и тут...

— Марьяна! Примите почтовые отправления! — взревел голос шефа по селекторной связи. — Курьер внизу!

— Да что же вы все скопом-то... — простонала я и ринулась в холл.

Когда вернулась, телефон разрывался. Сложив корреспонденцию на край стола, я вывалила бумаги из коробки и с упорством маньяка стала искать этот чёртов договор с Козлевичем.

— Марьяна, что там с договором?

Я вскочила и, забыв постучать, с упорством молодого бычка вломила в кабинет Перчина.

— Ну что ты, солнышко, конечно приеду! И на ночь останусь, не переживай! Целую, пока! — Пер-

чин выключил телефон, поднял голову и уставился на меня. Его зрачки напоминали крупные маслины, которые я распробовала только здесь, в Москве. Оливки, к слову, не произвели на меня никакого впечатления, а вот маслины...

— Денис Александрович, я это... договор не нашла... Извините...

То, что я только что услышала, заставило меня съёжиться и в полной мере ощутить глупость своего поведения.

Покачиваясь с пятки на носок, Перчин некоторое время задумчиво смотрел на меня, а я пыталась справиться с охватившим меня волнением.

— Как же так, Марьяна Игоревна... — Он нахмурил густые брови и покачал головой.

— Не понимаю, куда он мог деться...

— Надо найти, Марьяна Игоревна, очень надо!

— Сделаю всё возможное. И невозможное тоже, — пообещала я.

Перчин сложил руки за спиной и подался чуть вперёд.

— Я должен кое-что сказать вам, Марьяна... Игоревна. Дело в том, что должность администратора, на которую вы претендуете... — начал он, но тут у меня зазвонил телефон.

Я вздрогнула от нехорошего предчувствия и нажала сброс. Но через секунду телефон зазвонил снова. Я опять сбросила звонок. Абонент не определился, номер был мне не знаком.

— Наверное, опять из банка, кредиты предлагают! Или мошенники! — пробормотала я, размышляя над тем, что сейчас услышу. Собственно, я уже примерно представляла, что хочет сказать Перчин. Должность администратора я занимала